

ИРОНИЯ НАКАЗАНИЯ ИЛИ ОНТОЛОГИЯ ВИНЫ

THE IRONY OF PUNISHMENT OR THE ONTOLOGY OF GUILT

V. Gertsy

Summary. the Author based on rich philosophical material analyzes the problem of the relation of being guilty of a crime and the fault of the sanction. The analysis of the being guilty is conducted in the four regions of study: legal, ethical, religious and psychological. This allows to identify the common features inherent in all four regions of the study and approach category of punishment for the crime. However, the sanction, the designated perpetrator by the court, that is the formation of the judicial discretion in sentencing, as the author suggests, is determined by three concepts archetypic inherent in consciousness: the revenge, same-value and kerygma. The author postulates that the perpetrator, depending on their level of self-awareness, is facing some form of sanctions for a crime.

Keywords: guilt, punishment, concept of crime, being guilty, deviance, sociopathy, conscience, remorse.

Герций Виталий Михайлович

Соискатель, Московский государственный
Университет им. М. В. Ломоносова
xdxt@yandex.ru

Аннотация. Автор на основе богатого философского материала анализирует проблему соотношения бытия виновным в преступлении и следующим за виной санкцией. Анализ бытия виновным ведется в четырех регионах исследования: юридическом, этическом, религиозном и психологическом. Что позволяет выявить общие черты присущие всем четырем регионам исследования и подойти к категории меры наказания за совершенное преступление. Вместе с тем, санкция, определяемая виновному в преступлении судом, то есть, формирование судебного усмотрения при назначении наказания, как предполагает автор статьи, детерминировано тремя концептами, архитипично присущими сознанию: месть, равноценность и керигма. Автор постулирует, что виновный, в зависимости от своего уровня самосознания, сталкивается с той или иной формой санкции за преступление.

Ключевые слова: вина, наказание, понятие преступления, бытие виновным, девиантность, социопатия, совесть, раскаяние.

Человеческая рациональность сталкивается с некоей дихотомией в понимании преступления как акта воли, и «преступления» как юридического понятия, в последнем случае юридической конструкции и предмета юридической науки. Вместе с тем, «состав преступления» как понятие, отражающее преступный акт, т.е. будучи тождественным объективной реальности, включает в себя, непосредственно, как акт — действие, протекающее в объективной реальности (объективная сторона преступления), так и внутреннее, глубоко личное, интимное отношение субъекта к «деянию» и его последствиям (субъективная сторона преступления). Преступное действие, с одной стороны, укоренено в субъекте, а с другой, выходит за пределы субъекта, оно снимает существующее бытие, наличествующую действительность, в аспекте проявления «злой воли». Эту онтологическую модель бытия виновным в преступлении описывает концепт Хайдеггера через бытийственное положение Dasein, и систему горизонта экзистенциалов, т.е. быть виновным в преступлении в так-бытии, здесь-бытии.

Преступление берет свое начало в субъекте. Мотив преступления предопределен Желанием субъекта, Его Желанием, а действие субъекта направлено во вне, разворачивается в объективной реальности. Поэтому «преступление» внешнее для субъекта. Его «внешность» дает возможность высказать о нем суждение, квалифицировать преступление, судить субъекта, и осуждать преступ-

ление. Здесь кроется исток «инженерного сознания», и, как следствие, позитивистский подход в праве. Суждение о «преступном»-внешнем высказывает Другой, им может быть судья, обвинитель, защитник, очевидец преступления или жертва. И опять возникает проблема двусмысленности в говорении о «преступном»: 1) о чём говорится? 2) и что говорится? В первом случае, о составе преступления, как юридической категории, во втором, — о преступной воле. Рациональное структурирование злой воли субъекта в юридических категориях ведет к квалификации его деяния, как конкретного состава преступления, т.е. внешнего явления и предмета юридического дискурса; и наоборот, иррациональное ощущение, проживание страдания от злой (преступной) воли другого, схватывается сознанием жертвы как трансцендентное, внешнее воздействие, ниспосланное извне, пусть исток и корениться в поступке другой индивидуальности, но этот другой есть носитель всего лишь внешней силы, исток той самой «злой воли», основание объективации присутствия «злой воли» здесь и сейчас, причина её переживания личностью-пострадавшим. Или наоборот, гамма чувств преступника: наслаждение от актуализации своих низменных влечений-инстинктов, обусловленных энергией Танатоса (во Фрейдовском смысле, вкладываемом в это понятие) своей неотрефлексированной агрессии. Или: отстраненная оценка содеянного «виновным» в преступлении на основании совести и действующего законодательства, осуществляемая судами в соответствии со ст. 17 УПК РФ, т.е. схватыва-

ваемая сознанием как долг, обязанность, не только профессиональная, но и моральная. Выше, лишь несколько примеров, смещающих фокус сознания с чисто внешних сторон понятия «преступление», как внешнего явления, вглубь субъекта, к существу понятия, по меньшей мере, попытка эпистемологии интериоризации преступной воли.

Обязанные судить о «преступном» уже втянуты в преступный акт, они уже включены преступной волей в свой оборот, и обречены на выбор своей моральной позиции, пусть каждому из этих актеров-акторов внешне и отведена особая роль. Таким способом преступление, как понятие, выходит за свои пределы, становится больше, чем юридическое понятие «состав преступления». Понятие преступления в своей моральной всеобщности требует от каждого из сопричастных «преступному акту» высказать свое суждение о нём, определить для себя свое отношение к этому проступку, занять позицию на стороне добра или зла. Да, можно проигнорировать преступление, можно, наоборот, подыграть преступнику, ведь никому не известна та последняя инстанция, которая отделяет «преступное» от «не преступного», можно решительно бороться с преступлением, активно отрицая ничтожную преступную волю. Но другой всё равно уже втянут в орбиту преступного, и обязан совершить моральный выбор — занять позицию в отношении поступка-преступления другого, и этот поступок *может быть преступен*, хоть ещё и не отдешифрирован таковым, не означен как преступление, допустим, судом, если говорить о юридическом дискурсе преступного. Как антитеза юридического дискурса, звучит мысль Гегеля: «... это определение понятия следует видеть в той необходимой связи, которая заключается в том, что преступление как в себе ничтожная воля тем самым содержит в себе свое уничтожение, являющее себя как наказание» [5. с.158], — субъект исключается из логической цепи «преступления и наказания», с неизбежностью превращаясь в концепте Гегеля в объект, претерпевающий наказание.

У П. Рикера высказана мысль о том, что реальность не познается в созерцании или в мышлении, а только в акте воли [10 с.18]. Однако, если злая воля или преступление, есть ментальная конструкция, рациональное понятие, или же экзистенциал, как это понимается Хайдегеровском проекте, то вынужденный судить о преступном, являет разве не акт воли, будучи втянутым в орбиту преступного, и обреченный занять моральную позицию, и совершить тем самым скачок из сферы морального в универсум нравственного, опять же в гегелевском смысле. Г.В.Ф.Гегелем четко отграничена моральность субъекта от его нравственной сущности, реализуемой последним во вне — семье, гражданском обществе и государстве. Гегель отмечает: «...законы и силы нравственной субстанции не суть для субъекта

нечто чуждое, но он свидетельствует о них свидетельством духа как о своей собственной сущности, в которой он обладает своим самочувствием и живет как в своей не отличающейся от него стихии» [5. 223]. Отсутствие моральной философии у Гегеля и наличие философии морали (мысль А. Кожева), не оспаривается ни одним философом. Здесь же видится и исток моральной концепции А. Бадью — субъект обязан занять моральную позицию в конкретной жизненной ситуации, именно в этом проявляется акт его воли [4]. Избежать оценки в преступном, значит уже стать виновным, эта проблематика проанализирована, например, у К. Ясперса. «Пугаясь этих последствий своих поступков, я могу, правда, подумать, что избегаю вины, если, не вступая в мир, не буду делать совсем ничего; тогда я не заберу ни у кого, сам останусь чистым и, пребывая в чистой возможности, никакой возможности не отвергну. Но надеяние само есть деяние, а именно — бездействие... Невступление в мир — это несостоятельность перед требованием действительности, приступающем ко мне как невнятная претензия: требованием рискнуть и узнать, что из этого выйдет. Я в своей ситуации несу ответственность за то, что произошло от того, что я не вмешиваюсь; если я могу что-то делать и не делаю, то на мне лежит вина за последствия моего надеяния. Следовательно, действую ли я или не действую, — и то и другое имеет последствия, и в обоих случаях я неизбежно оказываюсь виновен», отмечено по этому поводу у Ясперса [12. С. 250–253].

В преступном, субъект невольно сталкивается с необходимостью, он должен вынести моральное суждение. Как контроверза, тезис из доктрины йогической, равно как и буддийской, которые предполагают, наоборот, воздержание, как от суждений, так и действий, с целью сохранения внутренней «пустоты сознания», предоставив бытию возможность разворачиваться по своим внутренним законам, сохранив позицию стороннего наблюдателя (этический принцип — «ахимса», невмешательство). Однако, в этом случае анализ «преступного» становится Без-Смысленным. Субъект потерян, никто не судит преступное, оно развивается свободно, и только лишь законы кармы (возмездие будет ждать «виновного» в следующем перерождении) могут удержать индивида дать начало злomu и преступному. В этической же парадигме, равно как и Христианской, и Иудейской, Субъект проблематичен в зависимости от своего морального выбора, и задача обыденного сознания состоит в том, чтобы не потерять субъекта в бытии, стать сознанию сопричастным бытию, созерцать становление Со-Бытия через свою моральную позицию. Уклонение от суждения о злой воле, явленной в преступном, делает проблематичным существование самого субъекта.

Другой аспект пассивного отношения к преступному отмечен Х. Арент в статье «Организованная вина»

(1944): простой человек-обыватель под воздействием внешних обстоятельств творит зло в интересах своей семьи, просто, чтобы выжить, чтобы получить пенсию по старости, и при этом вообще не задумывается об ответственности[1]. Преступник включен в преступную систему, все внешнее — преступно, он(преступник, злодей) всего лишь носитель злой воли вышестоящего начальства. Он никто, что он мог сделать и как противостоять этому преступному, явно превосходящему по своей мощи одинокой личности? Обыватель-мещанин превращается в аморального монстра и преступника-социопата. Помимо своей воли, — так утверждал Адольф Эйхман в свое оправдание на Суде. Это разве может быть оправданием? — задается вопросом Х. Арендт. Виновный все же, в данном случае, предстал перед Судом, был осужден и казнен [2 с.424]. В данном проекте попытка спрятаться за внешними обстоятельствами, переложить ответственность на третье лицо(лица), утаив свою личную вину в этнических чистках и массовых убийствах, оказалась не удачной — возмездие нашло свою жертву!

Итак, «преступление» как акт злой воли, это не только юридическое понятие, но и этическая категория. Собственно, ещё Сократ дал толчок к развитию в философии учения об общем в понятии, как идеи, и при этом его внимание к этому всеобщему, содержащемуся в понятии, было обусловлено не общей теорией диалектики, а этикой. Имеется ли в знании сила, способная руководить людьми? — вопрос, поставленный Сократом в Платоновском диалоге «Протагор». Сократ отстаивает тезис, о том, что никто не делает злого по своеволию, а лишь по неведению, всё есть знание: и справедливость, и рассудительность, и мужество [б. С. 92,93]. Отмечая, этический рационализм Сократа, исследователи Античной философии, в частности В.Ф. Асмус, подчеркивают: «... этика Сократа, тесно связанная с его взглядом на роль понятия, состоит в отождествлении нравственной доблести со знанием» [3 с. 128].

О каком знании здесь идет речь?

Онтология преступной интенции субъекта, очевидно включает необходимость анализа его вины в совершенном поступке (внешнем проявлении его воли), и меры наказания за вину в преступлении. Примечательно, что сама сущность понятия «санкция» претерпела значительные метаморфозы со времен Античности до наших дней: ордалии, месть богинь Эримий (Гесиод «Труды и дни»), угрызания совести от совершения злого, неблагоприятного поступка (Сократ), наказания, ниспосланного Божьей волей и рассуждений о строгости наказания (Аврелий Августин, Фома Аквинский, Ансельм Кентерберийский, Пьер Абеляр), санкция как отрицание ничтожной (преступной в своей основе) воли (Г.В.Ф.Гегель), месть как наслаждение от наказания преступника

(Ницше), возмездие-страдание, как возмещение Бытию от злой воли (Хайдеггер).

Общее, что объединяет эти подходы, взятые в их исторической перспективе,— детерминизм кары для тех, кто преступил, нарушил какой то свод правил, нанес ущерб Другому, нарушителю существующего порядка. Речь идет об этике долга. Аспект злой воли в поступке относит последний к преступлению в юридическом смысле с середины XVII в., когда Пуффендорф — немецкий ученый-богослов применил форму учения о грехе, покаянии, искуплении и наказании за грех, к поступкам человеческим, но уже без богословского содержания, заменив последнее юридическим смыслом, и переведя тем самым дискурс из области теологии в область юриспруденции[8]. Последовавшая затем философская дискуссия о назначении наказания только лишь за нарушение законов писаных, известных преступнику, равно как и вопроса, вправе ли суд казнить преступника, свидетельствовали не только о гуманизации нравов, но и внимании к вопросу о решимости индивида умышленно нарушать закон, и вопросу о мере наказания за причиненное зло, которое было вменено преступнику под видом преступления (И. Кант, Ансельм Фейербах, И.Г. Фихте). При этом, сам факт необходимости санкции и кары за преступление не ставился философами под сомнение. Помилование сувереном преступника рассматривалось как милость, т.е. добрая воля, и не учитывалось в качестве санкции.

Санкция или наказание становится таким же элементом «преступного», как и вина, взаимно обуславливая друг друга. Гегель, в частности, в «Философии права» отмечал, что наказание имманентно присуще преступлению, включено в преступление, то есть наказание есть в своем существе, такой же элемент злой воли, как и само преступление. Богини Эримии не спят, преступление, как акт воли, ничтожно в своем существе, отрицание этой ничтожной воли, есть второе отрицание (отрицание отрицания), собственно, и есть сущность санкции [5 с. 293].

Высказать тезис, что преступление совершается в надежде снискать наказание, это значит совершить скачок из философии Гегеля в классический психоанализ З. Фрейда. Садомазохистические интенции Я психоанализ Фрейда объясняет как нельзя лучше[11], однако, подознавательная тяга к наказанию в классическом психоанализе, понимается, как проявление невротических черт личности, и, как следствие этого, неосознанный индивидом мотив преступления. Чтобы понять это, надо провести расшифровку переплетений скрытых (подсознательных) влечений индивида, среди которых агрессия или энергия Танатоса займет едва ли не первое место. Неправильная «работа» механизма вытеснения и ин-

вестирования этой отрицательной энергии в концепте Фрейда приводит к неврозу, этот невроз, впрочем, может легко объяснить онтологическое бытие Субъекта и его девиантность. Если пройти далее, то по мнению неотрейдистов (М. Кляйн), агрессивность, связанная с ним вина, и возникающее затем чувство ожидания наказания, равно как и репарация за «причиненное зло», присуща ребенку буквально с момента рождения и формируется с первыми глотками грудного молока [7]. Получается, что преступление совершается с целью получить наказание, и это не оксюморон. На первый взгляд дело обстоит как раз обратным образом: преступная воля не хочет себя обнаруживать, если уж обнаружена, то должна избежать наказания, а если и это не удалось, и меч богини Немизиды настиг виновного, то «минимизировать раны», по меньшей мере. Правда, У Ф. М. Достоевского в романе «Преступление и наказание» выведен персонаж (рабочий Николай), который добровольно берет на себя вину и наказание в убийстве двух старушек, т.е. намеренно захотевший «пострадать», как указывает автор. Тем самым, вкладывая в страдание совершенно иной смысл. Поразительно, что Ф. М. Достоевский под видом следователя следственной части — Порфирия Петровича — вывел и того, кто знает об этом подсознательном стремлении, т.е. также в структуру мифа о вине и следующую за ней наказанием, введен означивший, тот, кто знает и понимает человека с его подсознательными влечениями-инстинктами.

Впрочем, эта драма страдающего и даже гибнущего Субъекта от своей неосознанной вины, за не-умение-совладать-с-собой, лежит в основе многочисленных литературных сюжетов: Софокла «Царь Эдип» — убийство Леем своего отца, наказание: ослепление Леем самого себя; Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — Иван Карамазов унижает мелкого чиновника Соловьева на глазах его сына, что приводит И. Карамазова к 20 годам каторги в результате судебной ошибки, и, наконец, отдадим дань современности: 1-й сезон сериала «Фарго», автор сценария Ной Хоули, где главного героя Лестера Найгарда унижает другой персонаж сериала, и затем мгновенно погибает от рук другого социопата Лорна Малво, с молчаливого согласия и по просьбе униженного.

Объединяет эти драматические сюжеты то, что санкция нисходит на виновного. Субъект воли, давший начало злу, это и есть виновный, он одновременно несет преступление, и переносит наказание, он является одним и тем же, кто причиняет зло преступлением, и страдает от зла наказания. Страдание, как санкция вызвана самой волей виновного, которая уже воздействовала на другую волю, унизило ее. Мера наказания предполагает равнозначность, с одной стороны, зла, причиненного преступлением, с другой, зла наказания. Это не месть Ницше [9] — где наказанию отведена роль компенсации

за причиненное преступлением зло, т.е. где эго, подверженное рессентименту, наслаждается сладостным чувством мести. Мысль Ницше разрывает линейность «преступления и наказания», но, уходя в область сенсуализма, она проскальзывает мимо этой диалектики добра и зла, мимо гармонии преступления и наказания, мимо причудливо разворачивающегося сюжета-драмы возмездия, имманентно присущего злой воле, игры богинь Эримий, настигающих виновного.

Субъект свободен в своем поступке. Нравственность есть последний порог на пути к этой радикальной свободе. В этическом плане преступник не может быть развитой личностью, нужен более высокий уровень рефлексии, как над своим психическим аппаратом, так и выбором нравственной позиции в конкретной жизненной ситуации или онтологическом положении Субъекта. Вина субъекта за преступный акт возникает, если поступок несправедлив, о чем ему говорят угрызения совести, источник которых — страх за причинение ущерба другому, а не боязнь мести за причиненное зло (не страх наказания за нарушение запрета (табу), здесь, «ущерб, нанесенный личности другого, значит больше, чем боязнь кастрации», отмечает по этому поводу П. Рикер [10 с. 478].

Проблема соразмерности наказания за зло, решена в концепте Гегеля самым элегантным образом: санкция в виде страдания, это не зло наказания, присовокупленное ко злу преступления, в этом случае сознание «ныряет» в дурную бесконечность рациональности. Принцип Талиона: «око за око», не действует! Ответ Гегелем видится в ином, санкция или наказание, обретает ценностный характер, наказание должно быть *равноценно* злу преступления, но не равнозначно в жестокости. Этот тезис радикальным образом разворачивает акт преступной воли против самого виновного Я. Преступник уже сам актом преступления дает согласие на применение к нему равноценного наказания.

Поэтому ответ на вопрос, поставленный выше, о каком знании здесь идет речь, приводит к Субъекту, к тому, кто знает и может артикулировать, то, что знает. Дихотомия смысла, сливается в синхронию и тогда понятие разворачивает свою внутреннюю энергию. В поэме Софокла «Царь Эдип» знающий — Тризер, но он был с гневом удален Царем за его знание и едва не казнен, в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — отец Зосима, безошибочно угадавший в Иване Карамазове будущего «невинного» страдальца, остается непонятым и осмеянным Карамазовыми. Знающий в драме наказания выполняет роль посла, приносящего плохую весть суверену. Может быть потому, что он и есть объективация вины во вне, встреча с которой не охватывается преступной волей и не включена в Желание преступника? Мо-

жет быть...Вновь этическая проблема, как и в проекте Х. Аренд, решается за счет попытки субъекта спрятаться, скрыть свою вину, и тем самым избежать наказания.

Выведение проблемы соотношений греха и наказания в область религиозного дискурса, также приводит к необходимости отыскания смысла «ниспосланной» санкции, так и возможности ее искупления. Переформатирование злой воли в религиозном проекте делает актуальным вопрос о введении в дискурс о наказании, аргумента о том, чтобы «демистификация обвинения исходила из керигматического ядра веры, то есть из благой вести, сообщающей о том, что Бог — это любовь» [10 с.474] В религиозном аспекте виновность может быть умалена, а санкция снята, если только человек, отказываясь от наказания и вознаграждения, принимает на себя аскезу виновности. «Только в свете духовной любви к Богу человек может быть справедливо обвинен и по настоящему утешен» [10 с.481]. Искренне раскаявшийся

преступник уже не преступник, а грешник, правосудию здесь делать нечего. Глубинная трансформация личности в данном случае происходит, если идти до конца в обвинении, а за тем, в прощении...Очевидно, что в религиозном дискурсе наказание ведет к очищению души.

Попытка, предпринятая выше, сделать краткий набросок онтологии вины и присущего ей наказания, вскрывает в общем то схожий механизм актуализации наказания, за причиненное преступлением зло, во всех четырех проектах. Но говорить о том, что между преступлением и наказанием существует только прямая логическая связь, свести иррациональность санкции к простому тезису о том, что наказание неотвратимо, значит оставаться только в юридическом дискурсе, исключив из анализа бытия виновным человека огромный пласт категорий и понятий, которые, собственно, и составляют существо личности, его самость и душу, само суть понятия свободного выбора, и переживания вины за этот выбор.

ЛИТЕРАТУРА

1. http://ec-dejavu.net/a-2/Hannah_Arendt_Organized_Guilt.html
2. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. / Пер. с англ. Н. Каталского и Н. Рудницкой; послесл. М.: Европа, 2008. — 424 с.
3. Асмус В. Ф. Античная философия. М. Высшая школа, 1976. Изд. 2-е. С. 128.
4. Бадью А. Этика. М. Mashina. 2012. С. 118
5. Гегель Г. В. Ф. «Философия права», пер. с немецкого Б. Г. Столпнера. М. Мир книги. Литература. 2009.
6. Гуссейнов А. А. Античная этика. М. Книжный дом «Либроком», 2011. с. 92, 93
7. Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. [www.http://psychoanalysis.pro/lib.html](http://psychoanalysis.pro/lib.html)
8. Назаренко Г. В. Вина в уголовном праве. Монография. Орел. 1996.
9. Ф. Ницше К генеалогии морали, Ницше Ф. Соч. В 2т. М. 1990, т. 2.
10. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Пер. с французского И. С. Вдовиной, -М. Академический проект. 2008.
11. Фрейд Вопросы вины и её появления в психическом аппарате человека, посвящены статьи «Экономические проблемы мазохизма» (1924), «Неудовлетворенность культурой» (1929), «По ту сторону принципа удовольствия» (1920). «Торможение, симптом, тревога» (1926)
12. К. Ясперс Философия в 3 т. пер. с нем. А. К. Судакова. М. Канон + РООИ «Реабилитация», 2012 Т. 2 Просветление экзистенции.
13. Иванов С. А. Понятие, основные характеристики и показатели вины в уголовном праве России» Монография. Ставрополь. 2005.
14. С. В. Складаров Вина и мотивы преступного поведения. СПб: Изд. Расланова. 2004

© Герций Виталий Михайлович (xdxt@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»